

Михаил ЗАЙЦЕВ:

«ТАКАЯ ПРЕКРАСНАЯ УЖАСНАЯ ДЛИННОСТЬ»

Интонация, с которой Михаил Петрович ЗАЙЦЕВ, директор Московского театра имени В. Маяковского, произнес эту реплику, переводит сложно (но зря же Зайцев по образованию актер!) — и ней слышались истогор и сожаление, влюбленность и недовольство.

— Так директор театра — должность ни профессии!

— И то, и другое. А еще — не считите за нескромность — привилегии. Могу, не боясь, обидеть других коллег по цеху, назвать так же, как Николай Дунаев, Лев Лосев, Илья Могил, Леонид Эрмил, идущее следом поколение, где есть и мои ученики — Вячеслав Юркин, Феликс Демичев. Они отличные организаторы, опытные финансисты, знатоки театрального процесса, умеющие сочетать искусство и коммерцию, ни в чем не ущемляя искусство. Мы ведь все сейчас учимся не жить — выживать в условиях нарождающейся рыночной экономики. Оно нередко, к сожалению, принимает уродливые формы и бывает прежде всего по культуре.

— У Михаила Туманянишвили есть юнга «Режиссер уходит из театра». Мастер утверждает, что найти хорошего директора труднее, чем художественного руководителя. Это так?

— Настоящего художественного руководителя найти еще сложнее. А что касается директора — лучше спросить у режиссеров. Но, думаю, не случайно мы с Андреем Александровичем Гончаровым, Алексеем Петровичем Бабуровым в театре имени Маяковского, до этого были на Бронной, на Спартаковской — в общей сложности тридцать три года вместе. Как в студенческие годы — в одной аспирантской связке. В театре знают: мы — единая целое, поспорить нас невозможно, зато бывает и споры, и конфликты. За Гончаровым закреплено ампула асептики, за мной — добряка-простака, с просьбами идут чаще ко мне, хотя знают, что и Гончаров не откажет, но уж так повелось, и мне полагает за мягкотелость с обеих сторон.

— Каков круг ваших обязанностей?

— Как каждый директор у занимающегося организацией творческого процесса — от первой репетиции до выпуска спектакля и его показа зрителю. Директор — связующее звено между организационной и творческой группами. Образно говоря, по левую мою руку — финансист, бухгалтер, директор-распорядитель, который ведет техническую часть подготовки спектакля. По правую — литературная часть (Тамара Браславская и Виктор Дубровский, по-моему, это театральная Москва), рядом — опытный актер-звезда Леонид Тимофеев. Это творческий штаб. Что я могу один, без таких помощников, будь я хоту сам псады ко лбу? Да ничего бы не сделал, уверю вас! Приходить еще раз повторить общезвестное: театр — искусство коллективное, все действующие лица одинаково важны, но достается чаще и больше, конечно, директору.

— И все же главная фигура в театре — актер...

— Несомненно. Сейчас в труппе работают артисты, творческая жизнь которых связана с Андреем Александровичем. Он поставил Гончарова, Немолова, Симоненко, Дингардана, Лазарева, Фатюшина, Костелевского. Теперь они — мастера, звезды, и знают себе цену. Но могу сказать, что с ними легко. И знаешь не считаться с гастролями, съездами в России и за рубежом, концертными выступлениями. Все понимают: жизнь сумасшедшая, все крутится как могут, дополнительные заработки нужны. Вот и отпуская, скрывает сердце, создавая, несмотря на их хиты и заверения, — спланованный репертуар полетит к чертам, пойдут деньги, а ты — прямые руки. Но что делать? Я не собираюсь ты улюляя, убеждать актеров рассчитывать свое время, составлять четкий график, чтобы не срывать объявленных спектаклей. Вот и думай: ну что за проклятая должность — директор! Просто мастер какой-то.

— Извините, но očekавали и ваш просчет: обязательно надо иметь два состава. Сколько сезонов, и примеру, идет «Игра теней», но ни у А. Батлер, ни у Э. Витторга, ни у А. Бонтеза нет дублеров. А пса-то — что трое!

Вот вы сами и затронули вопрос о смене, о молодом поколении. Гончаров все время повторяет, что в старости меня никто звать не сможет. Он знает, что говорит: полка отдал педагогической работе. Вот выступил в ГИТИСе прекрасный курс, мы столько на него надежда возлагали. Но... самые талантливые вместе с режиссером Е. Арбе уехали в Израиль, создали театр и быстро стали популярными. Мы рады за ребят, но и огорчаемся: лишились нескольких ведущих исполнителей. Начали снимать: растим новую студию. Студенты уже иеруют на сцене — «Начинаем, абыли или правда — хорошо...», «Привет! А. Островского, «Берег только для взрослых». И. Колпадов, детский спектакль «Золотой ключик». Надеюсь, что молодые займут свое место в труппе, а в репертуаре. У нас же три сценические площадки, и на гастрольи мы ездим, несмотря на их не что.

— Научили и в этом году гастролерам! На подобные отъезды далеко не все. Ведь нужны бешеные деньги!

— Да, рискнули — поехали в Сочи, и по дороге — в Туле, Ростова — показали свои «самые-самые» постановки. Залы — переполнены. Социческая филармония нашла спонсоров, которые оплатили проезд, гостиницу и оплатили тогда 300 тысяч за каждый спектакль. В январе собирались в Киев — там уже предлагают по миллиону за вечер: инфляция, ничего не поддается.

Скорее поехали в Варшаву «Горбун» Мрожежа и «Наполеона Первого» Брунера — в рамках обменных гастролей, которые с российской стороны субсидирует Министерство культуры РФ. Не могу не вспомнить недавние поездки в Минск, Киев. Что бы политики ни говорили, мы были и остались родными.

В Киеве на «Викторий...» стало плохо Гундаревой. Врачи помогли ей и сказали, что не без риска, но она может доиграть спектакль. Тогда зрители — зрители! — отказались от продолжения, просили «попробовать». Наташу, а цветы, пригласившие для финала, побросали в машину, в которой актриса уезжала в гостиницу. И это только один пример.

— Романтичный. Трогательный. А мы с вами вернемся к прозе — опять к деньгам. Театр получает дотации!

— Комитет по культуре Москвы выделяет небольшую сумму. Не скажу, какую — секрет, ибо по русской поговорке: что шель, тот и сыт. Вся дотация уходит на зарплату. Самая маленькая — 32 тысячи, максимальная — 105—110. А вот из доходов театра выплачиваем

экономические премии, разные надбавки, добавки, прибавки. Так что мы спокойно можете увеличивать названные суммы.

— А сколько стоит «малогобаритный» сироконный мала-алевный спектакль?

— Астрономические деньги. Платить приходится буквально за все. И всем. Времена рожаты «на общественные» начинали крутить в Лату. Все хоты, чтобы их труд (аховый, надо сказать!) был оплачен по достоинству. И я довел себя на том, что постоянно торгуюсь, пытаюсь снизить цену, где-то кем-то сэкономить. В работе одновременно 4—5 спектаклей, режиссеры, художники, балетмейстеры приглашены со всех сторон. Заплатить заранее — рискованно: покупаешь «кота в мешке». Не заплатить — не будут работать. Как быть? Я столько лет связаный с экономической театральной процессом, выжидать, вернуться, кинуться, дипломатично, но спектакли выпускает надо.

— Ой, зачем вы так откровенно! Что скажут в ответ на такое признание студенты менеджераского факультета РАТИ, с которыми вы занимаетесь с открытия этого факультета?

— Они знают, что я всегда старюсь говорить правду. И им показываю, как в театре происходит на самом деле. Приношу первокурсникам в театр, и объясняю: чтобы показать спектакль публике, надо досконально знать, как он создается. И надо любить театр, сцену, актеров. Театр отнимает всю жизнь — без остатка. Я здесь каждый день и целый день — с утра до вечера. Обязательно смотреть спектакли! На малавизму жутко злюсь, распеваю выкидыши. Но если честно — сейчас, к сожалению выпускники с небольшой охотой идут работать в театр. В совместных предприятиях финансовые

условия значительно лучше. А нам позарез нужны специалисты — администраторы, менеджеры, организаторы рекламы, гастролей. И все они работают на актеров, ибо они — главное действующее лицо.

— То-то вы его подкармливаете в театральном кафе с веселым названием «Заморы червячки»!

— Не только актеров — абсолютно всех наших работников. Кафе открылось недавно, днем оно обслуживает клиентов «со стороны», а в мажоры обедуен ежедневно на льготных условиях. У нас бартер: нам — обеды, а им мы берем деньги за аренду помещения. Пока все довольны, только Андрей Александрович никак не может примириться с тем, что коммерция входит в искусство. В глубине души я с ним согласен, но обстоятельства сильнее нас. И все же мы не могут не отметить: коммерция существует в нашем театре минимально.

— Сколько стоит ваш билет?

— До ноября 92-го мы держали: самые дорогие шли по 250 рублей. Теперь на аншлаговые постановки первые ряды партера будут стоить тысячи, галерка — 75—100. Не жалею: хорошие спектакли можно купить билеты и подешеве. Это запредельный стиль, по-моему, абсолютно верный.

— У вас в репертуаре — около двадцати пяти названий, большинство из них утерла прелесть новизны, малость обшарпанно...

— Будь моя воля, я бы оставил в активе 7—9 — самых хороших, классовых, творчески интересных, заложили бы со звездами выгодные контракты, доступные на 10—12 спектаклей в месяц — и «гонимы» бы переполненными залами. По методу антрепризы, старому русскому методу. Но нам нельзя, мы гигантская академическая глыба. Так что это я так, размечтался просто.

— А как вы думаете, за кем будущее — за «глыбам» или за маленькими, комичными, с залами на 60—150 мест?

— Нужны и те, и другие. Такие, как наш, должны быть обязательно. И обязательно с талантливыми режиссерами, Мастерами, Гончаров — счастье для актеров, счастье для меня: сколько-то научился, работаю вместе с ними!

А что касается театров-«игроков», то наряду с ними на Западе полно крошечных, почти «игрушечных» театров, и все имеют своих зрителей. В Национальном театре Лондона, где мы показывали «Завтра была война», тоже три площадки. Одна из них — точь-в-точь, как наша. Но Боже мой, как они умеют зарабатывать! В первые дни мая я заключил договор о гастрольях на... конец октября. И вскоре в фойе уже продавались майки с надписями «Завтра была война», «Театр имени Маяковского», «Гончаров», появились фотографии актеров. Это до нашего приезда в центр Лондона на здании театра висела баннерная конструкция посвященная нам. А в Москве театральная реклама на пешерном уровне. Сейчас даже красочный плакат сделать — большая проблема. Каким образом москвичи узнают о стоищих премьерх — для меня загадка, честное слово! Тем более, что я убежден: маленькое зрители отлучают. Наш спектакль по пьесе Вл. Маяковского «Кто боится Бредбери?», не имеющий ни прессы, ни рекламы, ни подробной афиши, мало известен москвичам и, к сожалению, не очень посещается. А кто видел, тот доволен. Ну как быть? На ТВ — дорого, вот беда!

— Это как же Англия, где телевидение подробно снимало наш премьер?

— Что вы! Такое не забывается! Мы встречали известнейшие актеры Лондона. Они нас не знали, но обнимали, жали руки, целовали. В Мюстате показали репортаж, и аншлаги были обеспечены! Просто! Конечно! Но разве у нас так?

Как встречают зрителей, пришедших в театр! Молодые ребята, стоящие у входа, улыбаются: «Пожалуйста, проходите, мы рады вам!» (За эту работу мы разрешается бесплатно смотреть спектакли). У нас хмурая тета долго пристально разглядывала билет, потом что-то бурчит о сумке. Создается впечатление, что зритель — злейший враг. Ой, грешник я, до сих пор не позволяю еще студентам на роли входных билетеров. А так хочется, чтобы зрители уже в дверях поучаствовали, что им ждет праздник! И все мы, кто работает в театре, должны по-настоящему его устроить!

— Ноша тяжелая, но ведь мы добровольно влезали в себя на плечи...

— И не жалеем. Люблю сцену, актеров, процесс рождения спектакля. Готов ради успеха сутками не уходить из театра. Но безразлично гнаться за успехом, добывать любой ценой, безразлично забывать, что сцена должна дарить людям радость познания и познания. Повторюсь еще раз: актер — главный персонаж, он решает успех любого начинания, и никакие побочные доводы, никакие малые предприятия не спасут, если и зал не придет зритель. Я надеюсь, что, невзирая на экономическую сложность, мы никогда не скатимся к чистой коммерции, не будем получать прибыль ради прибыли. Ибо деньги — оно, конечно, хорошо, но спектакли лучше!

Беседу вел
Елена ЗОНИНА.